

Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). М., 2001.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.

Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.

Шевцова О. Н. Стилистические функции знаков препинания (на материале прозы В. Маканина): Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1998.

Эйдинова В. В. О структурно-пластической природе художественного стиля: «Подмена» как стилевая структура «Счастливой Москвы» Андрея Платонова // XX век. Литература. Стил. Силевые закономерности русской литературы. 1900–1950 гг. Екатеринбург, 1998.

Н. Д. Наумов

П. П. БЛОНСКИЙ: ФИЛОСОФ И ПЕДАГОГ

Развитие педагогики в XX столетии в России тесно связано с именем философа Павла Петровича Блонского. Дважды П. П. Блонский сам описал вехи своей интеллектуальной биографии: впервые кратко в статье «Как я стал педагогом» (1928), во второй раз, более подробно, – в книге «Мои воспоминания» (оставшейся неоконченной) в 30-е годы. В воспоминаниях он показал путь философско-педагогических исканий своего времени, а также единство путей философии и педагогики в России в первой половине XX века.

Павел Петрович Блонский родился 27 июня 1884 года в Киеве в семье мелкого чиновника. Окончил с золотой медалью Киевскую гимназию. Гимназические годы были значительным этапом в эволюции его взглядов.

П. П. Блонского особенно увлекала философия. Он прочитал все тома «Истории философии» Куно Фишера, Конта, Шопенгауэра и Ницше, Спинозы, Э. Гартмана. Шопенгауэр и Ницше во многом стали причиной его пессимизма. Позже Блонский писал: «В окружающей жизни я не находил героизма, и у меня стало развиваться отрицательное отношение к жизни... Не помню сейчас, чья книжка о пессимизме, написанная очень популярно, помогла оформиться во мне в определенное мирозерцание. Я стал последователем Лепарди, Шопенгауэра и Гартмана... Я страдал неудовлетворенностью окружающей средой, пошлой жизнью и пессимизмом с середины 90-х годов приблизительно до 1898–1899 года. Сам того не подозревая, я переживал мрачные настроения тогдашней эпохи реакции – восьмидесятых и части девяностых годов» [Блонский, 1971: 26–27].

Одновременно Блонский увлекался естественными науками, особенно математикой, физикой, химией, биологией. Уже тогда пробудилась у него любовь к психологии: «Психологией людей я начал интересоваться чуть ли не с двенадцати-тринадцати лет... где только

мог, я вычитывал и замечал – в романах, в популярных статьях и книгах – все относящееся к человеческой психологии и психопатологии. Я любил наблюдать людей и разбираться в их характерах, чувствах и мыслях» [Блонский, 1971: 32]. Кроме того, в гимназические годы Блонский начал писать стихи и даже печататься в киевских газетах «Жизнь и искусство», «Киевское слово».

В 1902 году П. П. Блонский поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. В студенческие годы им владели две страсти – пропаганда и наука. Со временем он увлекся философией и начал посещать лекции и семинары известных профессоров – А. Н. Гилярова, который читал историю античной философии, и Г. И. Челпанова. Работая в его семинаре, П. П. Блонский увлекся философией Платона и даже собирался писать о нем. В 1905 году под руководством Гилярова он подготовил работу «Проблема реальности у Беркли», за которую получил золотую медаль. В 1907 году работа была опубликована в «Киевских университетских известиях».

Говоря о влиянии А. Н. Гилярова на формирование своего мировоззрения, П. П. Блонский писал: «Когда уже в Москве я был оставлен при университете приват-доцентом, то многие интересовались, последователем какого философа я являюсь. Я думаю, А. Н. Гиляров сыграл большую роль в том, что я не записался ни в чьи последователи; он воспитывал хороший философский вкус, и это мешало мне записаться в последователи десятистепенной современной философской мелкоты. Но он же развивал сильный критицизм и по отношению к крупнейшим философам, так что я не мог быть ни юмистом, ни кантианцем, ни гегельянцем и т. п.» [Блонский, 1971: 60].

Но все же не Гиляров, а именно Г. И. Челпанов стал подлинным учителем Блонского. Он слушал его лекции и ходил на известный челпановский Психологический семинар, носивший в то же время и философский характер. «Г. И. Челпанов, несомненно, обладал выдающимся педагогическим талантом: он мастерски читал лекции и был великолепным организатором работы студентов. У него я учился искусству читать лекции. От него же усвоил, что самое главное – суметь организовать работу учащихся, то есть что педагог обязательно должен быть хорошим организатором» [Блонский, 1971: 62–63]. Блонский с большим интересом посещал «Психологический семинар» Челпанова, выступал на нем с рефератом по проблемам свободы воли, реальности и причинности.

Студенческие годы Блонского совпали с периодом революционного подъема начала XX века. Естественно, «университет был захвачен революцией, но это уже не было студенческим движением. Это революция в стране вошла и в университет» [Блонский, 1971: 56]. Уже с первого курса он стал пропагандистом, а летом 1903 года его впервые арестовали за революционную агитацию среди киевских железнодорожников. В последующие годы, особенно в революционном 1905 году, Блонского арестовывали несколько раз. Наконец, в 1906 году его вновь арестовывают и приговаривают к ссылке, но из-за «безнадежно-го туберкулеза» ссылку заменяют простой высылкой из Киева и запрещением жить в больших городах.

В 1907 году П. П. Блонский переезжает в Москву и поступает вольнослушателем на историко-филологический факультет Московского университета, где слушает лекции известного русского философа Л. М. Лопатина. Правда, вскоре он разочаровался и в Лопатине, и в его историко-философских оценках и методологии. В воспоминаниях Блонский писал: «Л. М. Лопатин был спиритуалистом. К его спиритуалистической метафизике я относился холодно. Я не был

ни в малейшей степени лопатинцем. Положительные взгляды Л. М. Лопатина казались мне старомодным, отжившим московско-славянофильским философствованием» [Блонский, 1971: 84]. Разочаровался он и в Психологическом обществе, членом которого он был и на одном из заседаний которого прочитал доклад «Телеология Канта». Из общества он не вышел, но заседания посещал редко, а выступал еще два раза – как оппонент по докладу В. М. Хвостова о свободе воли и с докладом «Философия Парменида» в 1916 году

В 1908 году П. П. Блонский успешно сдает экзамены за курс университета и его оставляют на кафедре. Под руководством профессора Челпанова он занимается психологией, логикой, этикой, историей философии.

Вопросы теории и практики педагогики волновали П. П. Блонского всегда. Его педагогическая деятельность началась рано. В 1908 году он читал педагогику и психологию в московских средних учебных заведениях – в женской учительской гимназии Липеровского, Елизаветском институте, Усачевско-Чернавском женском училище и др. С 1911 года Блонский каждое лето выступает с лекциями по педагогике и психологии на летних учительских курсах в Бежецке, Бирске, Волоколамске, Ельце, Острогожске и других городах. Общаясь с провинциальными учителями, он знакомился с нуждами и проблемами школьного образования.

После получения доцентского звания первое время он читает в Московском университете историю философии, а затем с 1914 года – исключительно педагогику. Педагогику и психологию он читает на Тихомировских высших женских курсах и на педагогических курсах при университете Шанявского. Анализируя свое «вхождение» в педагогику, Блонский писал: «В 1908 году я стал преподавателем педагогики, сам решительно ничего не зная по педагогике. Вышел из положения я так, как тогда выходили многие. Курс педагогики обычно строился из двух частей. Первую составляла психология плюс педагогические выводы, вторую – история педагогики, точнее – классики педагогики. Первая часть была для меня, конечно, легка. Я довольно быстро заметил, что мои ученицы очень интересовались психологией, но очень прохладно относились к педагогическим выводам. Когда с 1911 года я стал работать на летних учительских курсах, то и там я увидел то же. Психологическая часть возбуждала у учителей буквально энтузиазм, притом у самых лучших. Педагогические выводы, которые у меня были, правда, очень скудные, их далеко не затрагивали. Только самая отсталая часть учительства, по моим наблюдениям, интересовалась ими. В силу таких обстоятельств я имел возможность вместо педагогики читать педагогическую психологию, да и ту сводить, собственно говоря, к психологии» [Блонский, 1979: 32].

Многое дало молодому ученому изучение классиков педагогики. «Поочередно я увлекался всеми ими, – пишет Блонский. – Особенно меня увлекали Коменский, Руссо, Песталоцци, Фребель. Мне нравилась также трезвость Локка и систематичность и стремление к научности Гербарта, но Локк мне казался порядочным филистером, а Герbart – малосодержательным. Коменским и Руссо, в меньшей степени Песталоцци и Фребелем я буквально зачитывался. Из новых я зачитывался Толстым, Шаррельманом, Гансбергом, Дьюи и Писаревым. Гремевшие тогда Эллен Кей, Кершенштейнер и Лай меня не привлекали: первая казалась немного приторной, а последние производили впечатление ограниченных самоучек-дилетантов. Позже мне многое дала Монтессори. Ушинский многое дал мне, когда я еще пригостишкой учился по его замечательным книжкам» [Блонский, 1979: 33].

По мере накопления педагогического багажа П. П. Блонский проникается необходимостью «педагогического просветительства». Он вспоминает: «С 1908 по 1913 год тянулись мои “ученические годы” по педагогике. С 1914 года я пускаюсь в педагогическую печать. Таким образом, как сравнительно поздно, только с 24 лет, я начал учиться педагогике, так точно поздно, лишь в 30 лет, началась моя педагогическая писательская деятельность... По-знакомившись с состоянием педагогики в свои “ученические годы», теперь я стремился передать это свое знание другим. Мне хотелось в “наш век педагогического дилетантизма”, как я тогда выражался, делать широко известными все существующие взгляды, мнения и теории по той или иной педагогической проблеме. Это был своего рода учет современного педагогического инвентаря» [Блонский, 1979: 33].

До революции П. П. Блонский опубликовал несколько работ: «Место К. Д. Ушинского в истории русской педагогики» (1914), «Педагогика прогресса и человечности» (1914), «Ян Амос Коменский» (1915), «Курс педагогики» (1916), «Задача и методы народной школы» (1916), «Как мыслить среднюю школу» (1916) и др. Первой статьей, в которой нашли выражение его собственные педагогические взгляды, П. П. Блонский считал статью «О национальном воспитании». В ней он утверждал следующую мысль: русский ребенок должен последовательно воспитываться дома и в детском саду как член русского племени, затем в начальной школе как член русского государства, наконец, в средней школе как член всего человеческого рода. На первом из этих трех этапов национальное воспитание понимается как народное демократическое.

Статья «Задачи и методы народной школы», напечатанная в 1916 году в журнале «Вестник воспитания», была написана с демократических позиций и вызвала большой общественный резонанс. Журнал «Свободное воспитание» перепечатал выдержки из нее, а педагогический кружок, объединяющий прогрессивных учителей московских городских школ, выбрал П. П. Блонского своим председателем. Более радикальной, написанной с классовых позиций была другая статья Павла Петровича – «Как мыслить среднюю школу».

Большое значение для выяснения мировоззренческих установок П. П. Блонского имеет его дореволюционная книга «Введение в дошкольное воспитание». В ней, как пишет сам автор, он проводил две мысли: «Первая относилась к одному из ходячих “или-или”: или общественное, или семейное воспитание. Консерваторы стояли за патриархальное семейное воспитание: дети – собственность родителей, и те делают с ними что хотят. Энесовско-кадетская педагогика расшаркивалась перед общественным воспитанием. На деле это означало: дети – собственность государства (то есть царского правительства), и последнее делает с ними что хочет. Я оставил читателей в недоумении пред этим “или-или” и предполагал третье: родители – материально обеспеченные государством и ответственные перед обществом воспитатели своих детей. Все семейные конфликты решаются в соответствии с интересами детей. Такая постановка вопроса не могла понравиться ни “общественникам”, так как взваливала на общество, государство, правительство обязанность материально обеспечивать максимально лучшее воспитание детей, ни “семейственникам”, так как родители становились под общественный контроль при общественной поддержке.

Вторая основная мысль книги – взгляд на воспитание как на организацию стимулов к саморазвитию ребенка. Надо воспитать ребенка так, чтобы он мог мыслить самостоятельно» [Блонский, 1971: 129].

Две цели поставил П. П. Блонский и в последней из дореволюционных книг – «Курс педагогики»: «Одна – ликвидировать педагогическую ограниченность и вместе с тем тех, кто наживал на ней капитал. Я стремился дать максимально широкий обзор педагогических проблем и теорий. Мне казалось, что узнавший это читатель может критически отнестись к тому, что ему говорят. Разворачивая богатство содержания педагогики, я помогал читателю увидеть бедность тогдашних заправил педагогики.

Другая цель была более затаенная. Я предлагал посмотреть, что представляет собой воспитание в действительности, не такое, какое декламируется, а такое, какое дается на самом деле. Если читатель сделает это, тогда моя книга поможет ему увидеть вред, недостатки и пробелы этого воспитания» [Блонский, 1971: 129–130].

Наряду с педагогикой П. П. Блонский не прекращает заниматься историей философии. Его по-прежнему интересовала античная философия. К опубликованным ранее, еще в студенческие годы, работам он добавил «Этюды по истории ранней эллинской философии», опубликовав первый этюд «Рождение философии», в котором доказывал мысль о происхождении философии из мифологии. Переведенные Блонским «Фрагменты Гераклита» увидели свет в специальном философском журнале «Гермес».

Незадолго до революции московское учительство объединилось в педагогический кружок прогрессивной ориентации, который, выработав проект программы начальной городской школы, противопоставил его официальной позиции городской управы образования. Еще более радикальным был педагогический Кружок совместного воспитания и образования. В обоих П. П. Блонский занимал лидирующее положение, читал свои педагогические курсы. В это же время он приступил к чтению лекции «Воспитание ребенка рабочей семьи», что явилось прелюдией к его книгам революционного периода «Школа и общественный строй» и «Школа и рабочий класс».

Октябрьскую революцию 1917 года Блонский принял с энтузиазмом, и прежде всего потому, что она разрушила основы старого буржуазного общества, одной из которых была педагогика. «Победу Октябрьской революции я встретил радостно. Моя предшествующая жизнь внушала мне ненависть к буржуазии и вообще к “высшему классу”. Поражением его я мог быть только доволен. Начиналась эпоха Октябрьской революции, самая счастливая эпоха в жизни многих и многих миллионов людей, в том числе и в моей жизни» – так оценивает он значение Октябрьской революции [Блонский, 1971: 144].

Блонский активно работает над созданием новой школы, новой педагогики. В Московском отделе народного образования с осени 1918 года редактирует журнал «Трудовая школа», а со следующего года возглавляет журнал «Народное просвещение», превратив его в самый популярный журнал по педагогике. В это время он пишет и в 1919 году издает одну из самых известных своих книг – «Трудовая школа». Идея книги была достаточно простой: современный человек, в том числе и интеллигент, технически безграмотен. Техника должна стать центральным предметом современной школы, поскольку вокруг нее концентрируются как науки о природе, так и общественные науки. Поэтому в школе должна изучаться современная наука в ее связи с жизнью и

практической деятельностью; школа должна стать индустриальной. Книга читателями была принята хорошо, но не обошлось и без критики.

Продолжалась преподавательская деятельность П. П. Блонского (как профессор Московского университета, он читал курс современной философии и вел семинары по античной философии), а также издательская, и просветительская. В 1919 году по поручению коллегии Наркомпроса он создает Академию социального воспитания, преобразованную позднее в Академию коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской. Блонский был назначен ректором академии. Это было специализированное учебное заведение для подготовки преподавателей средних учебных заведений по педагогике, общественным наукам и политико-просветительной работе. Здесь же готовились организаторы народного просвещения. Лекции в академии читали, помимо штатных преподавателей, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская, К. Цеткин и др. «Академия начинала греметь на всю республику, и от желающих поступить в нее, и от посетителей, желающих познакомиться с нею, не было отбоя» [Блонский, 1971: 166].

Когда при Наркомпросе был создан Государственный ученый совет, а в нем научно-педагогическая секция, П. П. Блонский стал ее членом. Главная заслуга ученого, как члена Государственного ученого совета (ГУСа), – в создании программ для школ первой ступени, которые хорошо были встречены учителями страны. К этим программам Блонский добавил несколько брошюр («Новые программы ГУСа и учитель», «Первый триместр в новой школе первой ступени», «Третий триместр в школе первой ступени»), разъясняющих, как работать учителю с этими программами. Наконец, он написал книгу для чтения в первом классе «Красная зорька», которая впоследствии неоднократно переиздавалась. О ней Н. К. Крупская писала: «“Красная Зорька” не похожа на старые хрестоматии, переполненные рассказами о кошечках и собачках, о бабочках и зайках, о садиках и цветочках, о речках и ручейках и ничего не говорящие об окружающей ребенка жизни, в которую он всматривается пытливymi, внимательными глазами. Была детская хрестоматия, которая говорила о той окружающей жизни, которая ушла в прошлое – о Пасхе, о Рождестве, о Говенье и пр. А где же хрестоматия, которая говорила бы о современной жизни? П. Блонский пытался дать такую хрестоматию: в ней дан чрезвычайно богатый материал для разработки» [Крупская, 1959: 66].

В конце 20-х годов П. П. Блонский отошел от ГУСа, который вскоре, в 1932 году, был расформирован. Однако деятельность Блонского как ученого и педагога не прекратилась, темой его новых педагогических интересов стала педология. Она заинтересовала его и как философа, и как психолога, и как педагога. Будучи наукой о детях, свою задачу педология видела в синтезе различных научных дисциплин (психологии, возрастной физиологии, гигиены, невропатологии и т. п.); она предлагала изучать детей комплексно – как целое, развивающееся не только биологически, но и как социальное единство. Это был в определенном смысле смелый диалектический прорыв в изучении детей. Еще до 1917 года в развитие педологии внесли огромный вклад такие известные русские ученые, как В. М. Бехтерев, А. П. Нечаев, П. Ф. Лесгафт, А. Ф. Лазурский и др. В послеоктябрьский период развитие педагогики и педагогической психологии шло в течение полутора десятков лет под все возрастающим влиянием педологии.

Педагог и новатор, П. П. Блонский не мог пройти мимо формирования этой научной дисциплины и внес свой оригинальный вклад в создание строй-

ной системы научных представлений, принципов и методов в целостном изучении ребенка. Он был активным участником Первого съезда педологов (декабрь 1927 – январь 1928 года). В своем докладе Блонский заявил, что обращение к личности ребенка, глубокое овладение научно обоснованной методикой, опирающейся на знание законов воспитания, характерное для педологии, должно поднять уровень отечественной педагогики. К сожалению, до настоящего времени педология – это полубеллетристическое чтение, которое усилиями ученых должно превратиться в подлинно научное знание, покоящееся на достижениях философии, психологии, физиологии. Сам Блонский написал несколько значительных педологических сочинений, в том числе «Очерки детской сексуальности» (1935), где научно проинтерпретировал сексуальные переживания мальчиков и девочек разных возрастов, психологию любви и т. п.; своеобразное учебное пособие для учителей «Педология в массовой школе первой ступени» (1925), выдержавшее семь изданий; фундаментальную «Педологию» (1925), переработанную в 1934 году в учебник для вузов; наконец, многочисленные статьи, консультации, выступления на совещаниях и съездах, посвященных педологическим проблемам.

Однако судьба педологии в Советской России была трагичной. Дискуссии, которые велись в отечественной науке и философии в 20–30-е годы, утверждение в них монополии марксистской идеологии, политические выводы, сделанные по итогам этих дискуссий, предопределили судьбу педологии. П. П. Блонского, как одного из «руководителей педологического фронта», подвергли жесточайшей критике.

После публикации 4 июля 1936 года Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпроса» начались репрессии. Были арестованы оба сына П. П. Блонского. Вскоре одного из них по просьбе Н. К. Крупской выпустили, но вскоре вновь арестовали и выслали в Сибирь.

Сам П. П. Блонский, перейдя на работу в Институт психологии, где руководил лабораторией мышления, почти перестал публиковаться: в 1935–1940 годы было напечатано всего восемь его работ, и только две из них – небольшие статьи – посвящены педагогике. Вместе с тем именно во время работы в Институте психологии П. П. Блонскому была присуждена *honoris causa* – ученая степень доктора педагогических наук. В решении ученого совета говорилось: «Профессор П. П. Блонский – один из признанных в мировой литературе авторитетов в области психологии и педагогики. Солидная эрудиция П. П. Блонского, богатый опыт экспериментальных исследований, большая научная инициативность и изобретательность позволили ему обогатить науку рядом ценных вкладов» [Данильченко, 1974: 29]. В то же время он начал писать воспоминания, которые остались незаконченными. Умер П. П. Блонский 15 февраля 1941 года.

П. П. Блонский был одним из самых известных в России и на Западе (его труды публиковались в странах Европы и США) педагогом первой половины XX века. При жизни его называли «советским Песталоцци». В историю педагогической мысли он вошел как создатель первого учебника для начальной школы, видный теоретик трудовой школы, теоретик и пропагандист педологии, автор трудов по педагогической психологии. Многие его работы были новаторскими для своего времени и обозначали новые пути в развитии педагогики.

Еще до революции П. П. Блонский выступил как пропагандист трудового воспитания и политехнического образования. Он считал, что дети должны

привлекаться к общественно полезному труду, овладевать трудовыми приемами ремесла, знать о разных профессиях. Об этом П. П. Блонский писал в специальной статье «Задачи и методы новой школы» и в брошюре «Как мыслить среднюю школу» (обе 1916 года). Цели трудового воспитания и политехнического образования многоаспектны: это правильное отношение к труду, знание основ современного производства, владение навыками различных производственных процессов.

В своих работах П. П. Блонский подчеркивал, что трудовое воспитание имеет социально-политический аспект и дает наибольший эффект в обществе победившего пролетариата. В частности, он писал: «В обществе, где власть в руках рабочего класса, воспитание есть длительное воздействие на развитие подрастающего человека, организованное в интересах рабочего класса с целью выработки всесторонне развитых людей, могущих положить конец всякому классовому господству и эксплуатации. Такое всестороннее развитие достигается путем соединения производительного труда с физическим развитием, умственным образованием и политехническим воспитанием и имеет своими предпосылками, с одной стороны, крупное машинное производство, которое технически уничтожает старую систему разделения труда, и, с другой стороны, рабочую революцию, которая уничтожает экономическую и политическую мощь эксплуататоров» [Блонский, 1925: 21–22].

В 1919 году Блонский выпустил одно из самых известных своих педагогических сочинений – книгу «Трудовая школа». В ней он выдвинул ряд мировоззренческих положений и предложил практические рекомендации, связанные с трудовым воспитанием детей. Главная посылка книги Блонского проста: социальный прогресс напрямую связан с прогрессом в области труда, с уровнем его индустриализации. Эта посылка определяет значение трудового воспитания подрастающего поколения, – оно должно соответствовать прогрессирующему уровню развития индустриального труда. Практически это означает, что трудовое воспитание должно быть ориентировано не на ручной, а на машинный труд.

Вторая посылка книги Блонского в том, что индустриальное производство, уровень развития техники немислимы без постоянной их «подпитки» последними достижениями в области науки. Эта посылка ориентирует всю деятельность школы на овладение современным уровнем научного знания и его реализацию в техническом оснащении производства.

Наконец, третья посылка книги – в утверждении связи уровня индустриализации производства с уровнем социальной жизни общества. В воспитательной практике трудовой школы она должна быть учтена при воспитании чувства коллектива, общности интересов трудящихся. П. П. Блонский считал, что капиталистический способ производства на каких-то этапах своего развития задерживает индустриализацию труда, а социализм, наоборот, только с ней, ее прогрессивным развитием и связан. Эта последняя мысль П. П. Блонского, судя по воспоминаниям Н. К. Крупской, поправила В. И. Ленин, который прочитал эту книгу и особо выделил в ней фразу: «Завод – та колыбель, в которой неизбежно взращивается *коллективизм*. Технически совершенное общество тесно сливается с социально-совершенным обществом. Культура будущего – индустриально-коллективистическая культура, и только то обращение, которое приобщается к этой культуре, есть подлинное образование», подчеркнув слово «коллективизм». «Понятно, – пишет Н. К. Крупская, – по-

чему Владимир Ильич, придававший громадное значение технике, индустриализации страны, подчеркнул именно это место» [Крупская, 1959: 436].

Труд, по замыслу автора «Трудовой школы», должен быть в центре всего учебного процесса. Первые его навыки получают еще в детском саду. В школе первой ступени, то есть до 4 класса включительно, школьники приобщаются к ремесленному труду: на первом году они участвуют в посильных сельхозработах, на втором – в домашнем труде (зимой) и с сельхозмашинами (летом), на третьем году – это столярные работы и первое знакомство с машинным производством на заводе, на четвертом году – слесарные работы. Идеи книги он реализовал в 1922 году в программах для школ первой ступени, разработанных под его руководством в Государственном ученом совете.

Будучи первым опытом мировоззренческого обоснования, книга П. П. Блонского «Трудовая школа» не была свободна от недостатков, о которых сам он позже и написал: «Обыкновенно бранят мою “Трудовую школу” за ее индустриализм. Я же и сейчас считаю это ее главным достоинством. Для меня всегда было ясно огромное значение техники, и я всегда терпеть не мог технической отсталости. Еще в статье “Как мыслить среднюю школу” до революции я вводил технику в программу средней школы. Как социалист, я всегда понимал также связь между техникой и социализмом. Недостатки “Трудовой школы” я вижу в ином. Увлеченный стремлением выявить содержание трудовой школы, я в этой книге отгеснил, вопреки своему обыкновению, на задний план ребенка. В этом отношении получилась неполная книга, которую, пожалуй, лучше было бы назвать “Содержание трудовой школы”. Второй крупный недостаток этой книги тот, что, увлеченный индустриализмом, я мало писал о другом – о революционном воспитании бойцов рабочего класса против эксплуататоров... Я писал “Трудовую школу” так, как будто бы уже было будущее бесклассовое общество» [Блонский, 1979: 35]. Недостатки книги не умаляют многие идеи, вошедшие в практику современного школьного образования и воспитания.

Если учесть положение, высказанное П. П. Блонским в статье «Организация труда как учебный предмет в школе второй ступени» (1923) и брошюре «Азбука труда» (1923), то к его эвристически значимым идеям этого периода можно отнести неразрывную связь трудового обучения с общим образованием, связь образования, в том числе трудового, с современной наукой, необходимость учета в образовании и воспитании возрастных и индивидуальных особенностей ребенка. В названных работах педагог говорил также о необходимости выработки у учащихся стремления к самообразованию, школьному самоуправлению как выражению самостоятельности.

Вторая заслуга П. П. Блонского перед отечественной педагогикой – разработка идей педологии, которую он понимал как науку об особенностях детского возраста, дающую целостное представление о ребенке на различных стадиях детства в их временной последовательности и в зависимости от различных условий. «Педология, – утверждал он, – не энциклопедия различных сведений о ребенке, но особая наука с особым предметом... педология не просто “изучение ребенка”, а наука о детском возрасте» [Блонский, 1979: 37].

Эта, казалось бы, ясная формулировка предмета педологии (а ее придерживались многие теоретики проблем образования и воспитания) вызвала несколько дискуссий, в которых активное участие принимал и П. П. Блонский. Первая дискуссия была о соотношении педагогики и педологии. Педология, как новая наука, изучающая детей, заявила о себе еще в дореволюционное время. Ее тогда сам Блонский называл «экспериментальной педагогикой», ориентированной

на занятие «диагнозами учеников», то есть психологическими экспериментами с ними [Блонский, 1918: 8–9]. Такое понимание педологии ничего не объясняло, поскольку ученые понимали, что обе науки имеют один объект – ребенка, методы его изучения тоже не отличаются. К тому же многие педологи, как, например, сам П. П. Блонский, были одновременно и педагогами.

К 20-м годам установились две точки зрения на их соотношение. Одни считали педологию частью педагогики. Другие, наоборот, в подчинение педологии ставили педагогику. При этом сторонники обоих направлений придерживались той точки зрения, что педагогика не может быть наукой, если не будет опираться на научно обработанные, то есть доказанные и статистически обработанные факты. Давала о себе знать и давняя приверженность русской науки позитивизму и материализму.

В конечном итоге, смешав понятия «развитие» и «воспитание», они сошлись на том, что педагогика изучает ребенка с точки зрения воспитания, а педология – с точки зрения развития. П. П. Блонский, например, писал: «Педагогика является наукой о всестороннем и полном *развитии* человека в физическом, социально-трудовом и интеллектуальном отношении» [Блонский, 1925: 29]. Рациональное зерно этих дискуссий, продолжавшихся все 20-е годы, состояло в том, что спорящие стороны соглашались, что педагогика в ее современном состоянии имеет ряд недостатков: эмпиризм своих положений, их нормативный характер, похожих на «идеалистическую декларацию». Чтобы ликвидировать эти недостатки, Блонский и его сторонники предлагали теоретической основой педагогики считать педологию, которая обрабатывает данные биологии, рефлексологии, психологии и адаптирует их применительно к потребностям педагогики. Другими словами, педология, как казалось самому Блонскому и его последователям, дает педагогике «органическую неразрывность» с биолого-физиологическим и психолого-социальным знанием.

Также возникала дискуссия вокруг проблемы факторов, влияющих на развитие ребенка, в результате которой выявились четыре направления, по-разному отвечавшие на этот вопрос: биогенетическое, социогенетическое, рефлексологическое и синтетическое. У каждого из них были свои достоинства и недостатки. Сторонником и наиболее последовательным разработчиком концепции биогенетического развития ребенка был П. П. Блонский.

Он и его сторонники утверждали, что ребенок в своем развитии повторяет основные стадии биологической эволюции человека и этапы культурно-исторического развития человечества. «Родовые инстинкты», проявляющиеся в поведении ребенка, являются отражением в свернутом виде событий и эпох человеческой истории. К примеру, гармония физического и психического развития 9-, 10-летнего ребенка, его воинственность и драчливость как бы повторяют черты, характеризующие античный греческий мегаполис. Недостатки биогенетического направления были очевидны и подвергались большей критике, чем другие направления. И главным аргументом в этой критике было то, что исторически не все народы проходят выделенные биогенетиками стадии развития человечества, а индивидуально-возрастное развитие ребенка в разных культурах различно. За этим угадывалось еще одно обстоятельство: идея коммунистов привести народы к социализму, минуя исторически сложившиеся этапы развития общества, противоречила «биогенетическому закону» П. П. Блонского и его соратников, даже после того, как они «переформулировали» этот закон, утверждая, что не ребенок в целом, а лишь различные функции его психофизической природы проходят стадии исторического развития ребенка.

«Критика биогенетической концепции во многом была справедливой, — пишет современный исследователь, — при нормальном развитии науки эта теория либо смогла бы защитить себя и, модернизируясь, научно обосновать новые положения, либо спокойно угасла, став достоянием историков науки. Но тогда создатели новых концепций могли бы пойти дальше, взяв все ценное из наследия предшественников. Биогенетики привнесли в педологию идею развития, и это само по себе уже имело большое значение» [Фрадкин, 1991: 16].

Что же касается П. П. Блонского, то его вклад в развитие педологии был более значительным, чем просто приверженность биогенетическому направлению. Он считал, что задачей педологии является изучение своеобразия и закономерностей детского возраста, изучение *цельного ребенка* как психофизиологического существа, нахождение существенных взаимосвязей и взаимозависимостей между психическими и соматическими свойствами ребенка. Таким образом, целостность и развитие должны стать основными методологическими характеристиками педологии, позволяющими выявить общие закономерности формирования личности ребенка, установить причины и ход становления его психических функций, раскрыть новые, специфические особенности, возникающие от соединения отдельных сторон его развития — физиологической, психологической и социальной — в целостный процесс.

П. П. Блонский внес большой вклад в разработку научного аппарата педологии, в обоснование необходимости дифференцированного обучения детей, в исследование отдельных психических свойств детей — их мышления, памяти, речи. Не удивительно, что многие из его педологических представлений актуализированы современной педагогической наукой и практикой.

Его «Педология» вновь переиздается, а ее издатели справедливо констатируют: ««Педология» П. П. Блонского — это не просто выдающийся исторический документ, отражающий состояние науки о ребенке на определенном этапе ее развития. Ее значимость чрезвычайно актуализируется сегодня, когда провозглашается гуманистический подход к детству как самоценному периоду в жизни человека, поскольку в данной работе этот подход научно обоснован. Организически присущий автору гуманизм проявился, в частности, в его толковании развития человека не как прибавления или убывания, не как простого повторения, а как процесса противоречивого, диалектического, ни один из этапов которого не является малозначимым, малоценным» [Сластенин, Максакова, 1989: 3]. И с этими словами нельзя не согласиться: П. П. Блонский — действительно выдающийся, современный теоретик педагогики, в полном смысле слова философ педагогической стихии.

Список литературы

- Блонский П. П. Курс педагогики. М., 1918.
Блонский П. П. Основы педагогики. М., 1925.
Блонский П. П. Мои воспоминания. М., 1971.
Блонский П. П. Как я стал педагогом // Блонский П. П. Избранные педагогические и психологические сочинения: В 2 т. М., 1979. Т. 1.
Данильченко М. Г. Педагогические взгляды П. П. Блонского. М., 1974.
Крупская Н. К. Педагогические сочинения: В 11 т. М., 1959. Т. 3.
Сластенин В. А., Максакова В. И. Предисловие // Блонский П. П. Педология. М., 1989.
Фрадкин Ф. А. Педология: мифы и действительность. М., 1991.